

Александров А.С.,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской правовой академии МВД РФ,
подполковник милиции

**Что такое "судебная лингвистика" и каково ее
отношение к научной догме уголовного процесса**

Aleksandrov A.S.,
Doctor of Law, Associated Professor,
Professor of the Criminal Procedure Department
Nizhny Novgorod Academy of Law of the MIA,
Lieutenant Colonel

**What is a "judicial linguistics" and what is it's
attitude to scientific dogma of the criminal process**

На протяжении последних десяти-пятнадцати лет наше уголовно-процессуальное право переживало бурный период реформирования (очередного). Принятие УПК РФ стало важнейшей вехой судебной реформы. Но не последней - развитие не завершено. Начинается новый - институциональный этап в преобразованиях русского уголовного судопроизводства. Данный этап связан с качественными изменениями в культуре, идеологии, но также и психологии тех, кто сопричастен (прямо или косвенно) к уголовно-процессуальной деятельности. Как показывает первый опыт применения УПК, предстоит еще долгая работа по преодолению инерции мышления юристов: "устойчивая правоприменительная практика по-прежнему ориентируется на старый УПК, действовавший еще в советское время"¹.

Сегодня вполне можно констатировать, что новый Кодекс во многом опередил развитие правового сознания как правоприменителей, так и многих ученых, которые ратуют за возвращение к старым порядкам. Отсюда - издержки переходного периода. Новой идеологии, которая заложена в уголовно-процессуальное законодательство, еще предстоит стать правовой

реальностью, ибо право "становится" в головах у людей, а не конце пера законодателя. Как писал когда-то А.С. Алексеев, чтобы жить в праве, надо, чтобы право жило в нас.

"Проблема выращивания институтов - это проблема ключевая, но решения не имеет" - иронически заметил недавно отец либеральных реформ Е. Гайдар. Все дело в том, что институты не начнут хорошо работать, пока не образуется вековая традиция. Пересадить институты из-за рубежа невозможно. "Кактусы так выращивать можно, а институты - нет"². Становление институтов либеральной демократии не решается декретированием. Это должно уяснить не только экономистам, но и юристам.

"Выращивать институты" состязательного судопроизводства - это, значит, перенастраивать головы соотечественников, прежде всего наших уважаемых коллег. Это все равно, что произвести перезагрузку памяти у пользователей языка русского уголовного судопроизводства; создать матрицу, способную производить новые смыслы.

Способны ли мы, я имею в виду современное ученое сообщество к этим институциональным преобразованиям? Несмотря на иногда охватывающий меня скепсис, мне кажется что мы (те, кто понимает) должны, по крайней мере, попытаться что-то делать в этом плане.

На мой взгляд, начинать качественное переустройство корпуса процессуального знания необходимо с философии права, с мировоззрения, составляющих его фундамент. Именно здесь наиболее остро стоит проблема "переустройства умов". Решение этой проблемы осложняется нищетой философии права, ставшей уже привычной для отечественной юриспруденции³. Нельзя в связи с этим не сказать о том, что теория права, претендующая на статус метаязыка для всех юридических наук, фактически не может предложить ни одной оригинальной идеи в сфере методологии⁴. Догматический образ мышления нынешних процессуалистов обусловлен абсолютивистским мировоззрением отечественного правоведения, философской подкладкой которого является диалектический материализм в его

советском, т.е. наиболее ортодоксальном изводе. Одним уже этим радикально сужается возможная дискуссия о ключевых проблемах уголовно-процессуальной науки, а тем более способах решения их.

Надо прямо признать, что мы отстали, оторвались от современного европейского гуманитарного знания. Нашей науке, нужна модернизация во всех отношениях.

Говорят, что у России должен быть свой самобытный, национальный путь. Соответственно, модель уголовного процесса не может не носить отпечатка этой самобытности. Однако, не понятно в чем особенность демократии по-русски. Зато мы видим на практике реалии "басманного правосудия", а в теории откат от первоначальных идей судебной реформы.

Легко скатиться под разговоры о великой судьбе русского народа к местечковому самолюбованию. Конечно, административные мерами можно какое-то время монополизировать право на истину и делать вид, что все хорошо. Однако лично я принимаю доводы в пользу национальной идеи только тогда, когда она не выпадает, а входит в диалог с современной научной мыслью, способна с ней конкурировать.

Для русских, по словам Н. Бердяева, всегда была характерна подозрительность к новым идеям. Надо иметь мужество посмотреть вокруг себя. Понять, что мир стал открытым, нельзя делать науку по-советски, опираясь только на собственные силы, и с порога отметать или просто игнорировать то, что расходится с нашими привычными представлениями. Необходимо осваивать чужой опыт, постоянно искать новые пути и делать что-то свое.

Я очень даже понимаю, что если Россия не предложит свой проект, настоль же привлекательный как, скажем, американский, мы потеряемся в этом мире. Чтобы выжить, надо быть сильными, надо сделать и предложить аудитории свой привлекательный проект. Надо быть конкурентно-способным на рынке идей.

Время нам бросает вызов. Мы - русские можем показать, что мы сильные? Мы - русские ученые, интеллектуалы можем в научном плане предложить, хотя бы своим соседям по СНГ, нечто такое, что показалось бы новым, оригинальным, полезным. Восстребован ли на рынке наш интеллектуальный продукт? Будут ли нас цитировать и покупать наши книги, те с кем еще недавно мы говорили на одном языке? Вот показатель нашей ценности в этом мире (где все имеет свою цену).

Это присказка, сказка будет впереди. Она собственно о проекте, который я называю "судебная лингвистика" или "психо-лингвистическая теория уголовно-процессуального права".

Это совершенно новый и непривычный для правоверного русского процессуалиста проект потому, что русская наука уголовного процесса была до сего времени, является и сейчас, почти исключительно наукой формально-догматической.

Однако, как заметил в свое время А.С. Тагер, даже самым полным образом развитая процессуальная догматика не в состоянии разрешить задач, стоящих перед процессуалистами, стремящимися к действительному реформированию законодательства и ищущими научно-обоснованного базиса для своих построений и предложений. Следовательно, наука об уголовном судопроизводстве, не ограничиваясь, как сейчас, объектом своего изучения текстом закона и его толкованием, должна расширить базу своего изучения, приступив к исследованию реальных явлений уголовного процесса⁵.

Я убежден, что, оставаясь на догматической позиции, нельзя объяснить как сущность уголовно-процессуального права, сущность уголовного судопроизводства в целом, так и их отдельных институтов. Эпоха переоценки старых взглядов и привычных ценностей изрядно подточило доверие к постулатам "наивного", по выражению Л. Петражицкого, юридического позитивизма. Юридическая догматика совершенно недостаточна для того, чтобы разрешить все стоящие перед процессуальной наукой задачи. Ведь вопрос о ценности права, правосудия есть вопрос о цене, которую общество

готово платить за поддержание порядка юридическими средствами. В гражданском обществе ответ юристов на указанный вопрос должен быть убедительным, его нужно аргументировать. В противном случае колеблется вера в юридический мир, справедливость правосудия; правовой порядок потрясается в его основаниях.

Полагаю, что весьма своевременно и уместно именно процессуалистам подвергнуть сомнению те юридические аксиомы, которые составляют основу современного юридического здания, попытаться пересмотреть их, выявить реальные право вне его априорной нормативности, т.е. как лингво-психический феномен.

Наука об уголовном судопроизводстве, не ограничиваясь, как сейчас, объектом своего изучения текстом закона и его толкованием, должна расширить базу своего изучения, приступив к исследованию таких явлений, как речь, язык, текст, аргументация, психология речевой коммуникации. В науке об уголовном суде рядом с юридическим изучением должны вырасти новые - систематические и синтетические отрасли знания: уголовно-процессуальная социология, уголовно-процессуальная психология, уголовно-процессуальная техника, уголовно-процессуальная политика. Самостоятельной ветвью юридического учения об уголовном судопроизводстве должна быть общая теория процессуального права: ее задачей в первую очередь должно быть исследование языковой природы процессуального права в целом и отдельных процессуальных институтов. Развивать эти интеллектуальные течения, интегрированные в общую теорию процесса, следует в рамках научного направления "судебная лингвистика"⁶. Комплекс языковых явлений, изучаемых ею, находится на стыке лингвистики, риторики, юриспруденции, психологии, теории аргументации, психоанализа и ряда других наук.

Я вижу судебную лингвистику как цельную систему взглядов на сущность уголовного процесса и его назначение в обществе, на уголовно-процессуальное право, правила доказывания. В общем, хотелось бы объяснить все уголовно-процессуальные (и одновременно, психо-лингвистические) явления на новый

лад; осмыслить природу уголовного процесса, права, доказательств в языковом аспекте.

Особо хотелось бы сказать о методологии. Любая методология есть, на мой взгляд, совокупность добровольно принятых на себя исследователем ограничений. Диалектический материализм - один из возможных вариантов объяснения мира. Можно принимать его, а можно - не принимать. Мы его не приняли. В области методологии нами не только декларируется разрыв с традицией диалектического материализма, но совершается переход на позиции "деконструкции" при рассмотрении онтологических основ права и правосудия. Интеллектуальным источником деконструкции являются комплекс философских течений в виде постструктурализма, неофрейдизма, семиологии, феноменологии. Вместо "методологии" в общепринятом смысле, как некоего метаязыка, нами предлагается просто определенный - "лингвистический" образ видения юридических явлений. При формировании подхода к объяснению сущности права, правосудия и доказывания я опирался на психологическую теорию права Л. Петражицкого, учение но не только. Теоретическую основу описываемого научного направления составляют работы Аристотеля, Платона, М.Ф. Квинтилиана, М.Т. Цицерона, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, З. Фрейда, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды, Р. Барта, П. де Мана, Ж. Бодрийера, Ф. Гваттари, Ж. Дилеза, П. Рикера, Х.-Г. Гадамера, Х. Перельмана, Ф. де Соссюра, Н. Хомского, Э. Сэпира, Б.П. Уорфа, П. Файерабенда, Л. Петражицкого, В.Д. Каткова, М.М. Бахтина, а также работы других отечественных и зарубежных авторов по постструктуралистской философии, риторике, логике, теории аргументации, семиологии и семиотике, социальной психологии, лингвопсихологии, судебной психологии, судебной лингвистике, уголовному процессу и криминалистике.

На наш взгляд, междисциплинарное научное учение об уголовном правосудии, созданное на стыке лингвистики, психологии и юриспруденции должно быть направлено на решение следующих задач:

- 1) использование новой мировоззренческой основы для объяснения уголовно-процессуальной действительности;
- 2) выявление в праве лингво-психических объектов научного интереса;
- 3) постулирование основных начал критического исследования реальных феноменов уголовного судопроизводства;
- 4) исследование практики судоговорения и интерпретация полученных данных о применении законодательства последних лет с применением новых научных методов;
- 5) создание языковой (психо-лингвистической) теории уголовно-процессуального права;
- 6) выработка нового понимания уголовного судопроизводства, его сущности и назначения в обществе;
- 7) обоснование гипотезы о грамматической детерминированности русского уголовно-процессуального права;
- 8) обновление теории доказательств. В том числе, предложение особой трактовки судебного доказательства и доказывания, основанной на теории аргументации и риторики;
- 9) разработка концепции судебной истины и определение ее стандартов;
- 10) апологетика системы постулатов идеологии состязательного судоговорения, как персуазивной речевой практики;
- 11) прагматическая критика софистической этики состязательного судоговорения;
- 12) исследование возможных тактик судебного следствия; техник производства отдельных судебных действий;
- 13) разработка теоретических основ формы и классификации вопросов, подлежащих применению для повышения эффективности судебного допроса. В том числе исследование проблемы наводящих вопросов, как способа контроля показаний допрашиваемого;
- 14) формирование нового стиля научного письма;

15) изучение и обобщение техник производства отдельных судебных действий (в первую очередь - перекрестного допроса).

Кратко разъясню несколько тем, которые разрабатываются мной по вышеозначенной проблематике.

Данный научный проект заострен против существующей теории доказательств. Мы считаем, что сложившаяся парадигма знания не позволяет отечественным ученым пересмотреть постулаты советской теории доказательств. Между тем, стала уже совершенно очевидной необходимость отказаться от марксистско-ленинской теории отражения. В числе прочего, речь идет об абсолютивистской концепции объективной истины, разработанной идеологами советского процессуального права. За годы господства концепт объективной истины сформировал жесткий режим научного познания, который имел склеротические последствия для всей процессуальной науки. Так, например, в отечественной науке проблематика речевого, риторического убеждения, фактически, оставалась не затронута, в то время как на Западе, с античных времен - это предмет многовекового научного интереса⁷. Ныне существует настоятельная потребность на качественно новом уровне развивать искусство состязательного судоговорения. Сделать это невозможно без перемены взгляда на сущность судебного доказывания, как речевой деятельности, начиная с вопросов о техниках, тактиках и стратегиях представления и исследования доказательств в суде, судебной аргументации, лингво-психических средств формирования убеждения судьи, заканчивая вопросами этики состязательного судоговорения, природы судебной истины, справедливости, здравого смысла, совести и пр. Поэтому в рамках проекта "судебная лингвистика" я предлагаю новое понимание судебного доказательства, психотехнике судебного допроса и других судебных действий; искусству формулирования и постановке вопросов; критериев допустимости наводящих вопросов; лингво-психической силе судебных доказательств и факторов, обуславливающих ее, и пр.

Инквизиционно-следственной идеологии присуще представление, что судебное следствие - суде-говорение - есть продолжение предварительного следствия. Соответственно, различие между судебным доказыванием и доказыванием на досудебной подготовке не проводилась. Значение речи, живого слова в понятии судебного доказательства, в формировании судебной истины не дооценивалось. Процессуальная наука и криминалистика разрабатывали техники доказывания применительно к предварительному расследованию. Подобную естественно-научную методику криминалистическая наука распространила на речевое познание и, в том числе, на судебное доказывание. Даже авторы, избравшие психо-лингвистический подход к исследованию доказывания основной упор делали на исследование фактора речи в условиях предварительного следствия, исходили из естественно-научных представлений о природе юридического познания⁸. Мы, напротив, сделали акцент на судебном периоде вызревания доказательства и, соответственно, в центр научного интереса поставили проблему "судебного доказательства", как психо-речевого феномена.

Заметим, что нами существование объективной реальности не отрицается, но возможность познания ее не абсолютизируется. Но что для нас объективно - так это речь. Речь участников судебного разбирательства. Мы предлагаем во всей полноте и комплексности представить языковую (речевую) проблематику уголовно-процессуального познания. Мы пытаемся показать риторическую оснастку судебного доказывания, которая производна от фигуративности судебного дискурса, как способа бытия права⁹. В свою очередь, риторика права неразрывно связана с риторичностью речи, как ее сущностного свойства. В связи с этим предложена особая категория - "риторика права", призванная указать на речевое устройство общества и значение судебной речи в сохранении социальной структуры. Впервые в отечественной науке в рамках рассматриваемого проекта мы дали теоретическое обоснование фактора аудитории для судебного доказывания, судебной ситуации; был также дан анализ стратегий, тактик судебного аргументирования-доказывания; обобщен

опыт использования техник судебного доказывания, судоговорения в состязательном суде, предложены рекомендации по эффективному представлению и исследованию доказательств в суде. Выявлена на основе теории аргументации и риторики структура судебного доказательства. Объяснена нарративная природа судебного познания. Выявлен и проанализирован категорийный ряд: речь - понимание - судебное доказывание. Показана языковая природа здравого смысла, внутреннего убеждения, совести. Указана роль досудебного производства по отношению к устной судебной речи¹⁰.

Особое значение в нашем объяснении природы судебного доказывания имеет концепт "диспозитив доказывания". Этот концепт заимствован у М. Фуко с целью объяснить природу устройства по производству знания в уголовном судопроизводстве через топику-юридическую топику. Фуко говорит о "режиме истины", который существует в рамках определенного дискурсивного способа производства истинного знания. Производство судебной истины предопределено сложившимися в данную эпоху отношениями власти/знания. Точки опоры этих отношений - в религии, науке, школе, грамматике и пр. плоскостях. До судебного доказывания, до познания между членами языкового сообщества складывается система соглашений (и отношений власти-подчинения), которая даже не осознается ими рационально, но которая предопределяет возможность общения и "различания" в ходе него, что истина, что ложь (вернее, что может быть названо истиной). Таким образом, чтобы установить истину, надо быть в поле узнаваемости истины-лжи. И это поле различаемости (если угодно, "поле дураков", "решетка интеллигибельности", "интеллектуальный пейзаж", "языковая компетенция" и т.п. выражения) - все это как-то указывает (разными авторами, от Сэпира, Пирса и Хомского до Витгенштейна, Деррида и Делеза) на нечто, что предопределяет способ инстинствования в данной эпохе. В общем, все сводится к тому, чтобы результат судебного доказывания (как, интерпретации текста, речевой игры, "переклички интерпретант") был относителен тому, контексту (в широком

смысле) или дискурсивному режиму, в котором производится. Получается, все - от языка, в том числе и возможности дискурса, конечно. Причем если, продвигаться дальше, становится очевидным - "дискурсивная функция" есть нечто такое, что вполне заменяет Субъекта. Что есть мир? Комплекс моих ощущений (Беркли). Реальность - это продукт деятельности моего мозга. Это набор языковых (грамматических и др.) схем, которые заложены во мне, в моих собеседниках. Что есть "Я" - не что иное, как "курсор" на текстовом поле, символ, обозначающий проявление определенной интеллектуальной, познавательной конфигурации. Таким образом, "диспозитив доказывания", как сейчас себе я его представляю, - это некий образ или способ объяснения того, как в суде люди договариваются считать истинным знание, правильность, которого надо верить не на предмет его соответствия внетекстовой, референциальной реальности, а набору языковых конвенций, из которых состоят "идеология", "здоровый смысл", "совесть" и другие речевые-ментальные структуры. Полагаем, что "диспозитив" нужен для легализации, оправдания той практики отбраковки и утилизации человеческого материала, которым является уголовное правосудие в целом и общем. Но есть и другие причины, по которым нужно определенное устройство, в ряду других, которыми поддерживает дисциплинарный режим в обществе, система его самоочистки, санации, да и вообще структурность, как таковая.

Вся остальная машинерия уголовного судопроизводства обслуживает "диспозитив доказывания" - устройство по смыслопроизводству. Отсюда и новое понимание права - не как действующего закона с раз и навсегда установленным смыслом, который используется неким субъектом (подразумевается Государь или Народ - значения не имеет) в отношении некоего Объекта (общество, гражданин и т.п.), а как дискурса, текста, т.е. совокупности самопроизводных, сменяющих друг друга, конкурирующих друг с другом речевых практик, опосредующих, легитимизирующих применение насилия в обществе (всех против всех). Уголовное правосудие - это составная часть такого юридического дискурса. Значимость дискурса уголовного суда для

общества заключается в самом факте существования определенного жанра речедеятельности, в котором разыгрывается представление Истины Преступления и Наказания, Истины Преступника. Таким образом, происходит оправдание существующей репрессивной практики поддержания системы запретов.

В рамках предлагаемого проекта я попытался создать основы теории права=текста, как языка уголовного судопроизводства¹¹. Текстовая реальность права делается нами основным объектом изучения и методологическим принципом. Право - это текст. Вот другой критически важный постулат наших рассуждений. Мной предложена гипотеза о грамматической природе юридической нормативности. Обоснована гипотеза о первичности текстовой реальности, в которой происходит практика уголовного судопроизводства. Утверждается, что само уголовно-процессуальное право, как определенный порядок судебного разбирательства, возникло из закономерностей "правильного" говорения (грамматических и риторических), которые вырабатывались в ходе развития речедеятельности в обществе.

В рамках своей концепции я обосновываю несколько идей относительно речевого аппарата уголовного судопроизводства, грамматики и риторики права. Через концепты Языка, Текста и Дискурса объясняю природу процессуального права, форм судопроизводства, способов производства судебной истины. Оставив многие юридической науки о детерминирующей роли социально-экономического базиса в отношении права, объективной реальности, субъекте познания, о якобы априори существующих естественных правах человека и гражданина, я заново ищу онтологические основания права и правосудия в словах, тексте, дискурсе. Право - это нечто, артикулированное языком говорящих на нем. Судебная истина - дискурсивна, она результат судебного разбирательства. Судебная истина, которую проговаривают речедеятели в судебном заседании, это то, что признается таковой аудиторией. В отсутствии языка, речи сама постановка вопроса об истине невозможна. Доказывание в суде по своей природе риторично. Уголовное судопроизводство есть языковой

либидиальный аппарат, посредством которого происходит проговаривание насилия, необходимого для поддержания порядка в обществе.

Так, в общих чертах, представляется нами языковая подкладка уголовного судопроизводства. В этом видится новое понимание уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального права, их назначение; укорененность и отчуждение права, как языкового феномена, в психике человека и коллективном бессознательном; выдвигается принцип языковой, грамматической детерминированности права, а не социально-экономической¹².

Перехожу к заключению. Уголовно-процессуальная наука должна перестать быть замкнутой пределами догмы позитивного права; отказаться от апологетики, основанной единственно на авторитете текста действующего закона и его официального толкования. Научный аналитический дискурс должен носить объясняющей, критической характер; он должен иметь пафос стилеобразования, опирающейся на риторику, как систему средств убеждения. В науке должна быть конкурентная среда, поощряющая возникновение новых стилей по изобретению смысла. В противном случае вновь возникнет ситуация застоя.

Время бросает вызов нам - юристам: необходимы новые идеи, объясняющие природу права и правосудия. Необходимо дать практикам знания, пригодные к использованию в новых условиях состязательного судопроизводства. Прогрессивное развитие страны требует, формирования либерально-демократических институтов правосудия, мы должны этому содействовать.

Проект "судебная лингвистика" представляет собой попытку предложить и обосновать новую теорию, философию, этику, технику уголовного судопроизводства, как искусства судебной речи - одного из трех родов публичной речи, которые составляют основу гражданского общества. В этом нам видится вклад в общее дело формирования новой интеллектуальной среды для возвращения более высокой культуры судоговорения. В практической плоскости задача стоит в выработке рекомендаций юристам по ведению

различных разновидностей судебных допросов в условиях состязательного судопроизводства; предложение критериев определения недопустимости наводящих вопросов; разработка технических приемов представления и исследования доказательств в суде; определение тактик и стратегий судебного доказывания применительно к различным судебным ситуациям и т.п.

В конечном итоге, речь идет о создании нового типа юриста, искусного в представлении и исследовании фактических данных в состязательном судебном следствии, нацеленного на достижение успеха средствами речевого убеждения судебной аудитории.

-
1. Ильичев Г. Правовое брожение. Для успеха судебной реформы необходимо изменить граждан // Известия. - 15.01.2003.
  2. См.: Известия № 58 от 7 апреля 2005 года.
  3. Замечу, что неутешительный диагноз общей теории права поставлен самими теоретиками, самыми честными из них.
См. об этом: Поцелуев Е.Л. Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. - 2004. - № 2. - С. 154-165.
  4. По-моему в том виде, в каком сейчас она существует, "теория государства и права" себя изжила.
  5. Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде //Право и жизнь. -1924. - Кн. 1. - С. 51.
  6. Следует отметить, что замысел создания такого рода научного направления возник при знакомстве с зарубежными исследованиями, условно объединенных под названием "Forensic Linguistics". Хотя ставим мы несколько другие цели, чем наши зарубежные коллеги. Так, наша работа одной из основных целей имеет расчистку пространства в науке для смыслопроизводства в лингво-юридическом направлении.
  7. Характерно, что у нас до сих пор нет академического издания работ по риторике М.Ф. Квинтилиана, М.Т. Цицерона, Аристотеля и других великих, чьи труды должны стать настольными книгами для судебных юристов.
  8. См. например: Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. - М., 1977. - С. 40-45.
- Информационный подход к объяснению доказывания и доказательств.

9. Риторическими аргументами обосновывается справедливость. Судебная речь, как род публичной речи, заведует справедливостью, на которой стоит социальный мир.

10. См. об этом: Александров А.С. Судебная лингвистика / Право: сборник учебных программ. - М.: Юристъ, 2001 - С. 82-107; его же. Язык уголовного судопроизводства. - Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; его же. Речь - понимание - доказывание в уголовном суде. - Н. Новгород: НА МВД РФ, 2003; его же. Введение в судебную лингвистику: Монография. - Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003; Александров А.С., Стуликов А.Н. Судебные доказательства и доказывание по уголовным делам: Лекции. - Н. Новгород: Волго-вятская академия государственного управления, 2002; Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос: учебно-практическое пособие. - М.: Велби, Изд-во Проспект, 2005.

11. Исследования языковой проблематики имеют в отечественной юридической науке глубокие корни. В теории права прошлого века следует отметить значительные достижения в этом плане Л.И. Петражицкого, В.Д. Каткова, Н.А. Гредескула, а также ряда других авторов. Важнейшее значение в развитии критической традиции психологической теории права имела школа Пашуканиса-Стучки. Можно назвать много славных имен среди современных ученых-юристов и лингвистов, которые занимались этой проблематикой. Однако цельного учения о языке уголовного судопроизводства пока не создано. В рамках проекта "судебная лингвистика" я стараюсь обобщить опыт предыдущих исследований лингво-юридической направленности и осмыслить его в постмодернистском освещении. При этом я отталкивался от взглядов "реалистов", а также представителей современной американской школы критических правовых исследований (CLS).

12. Да, признаемся, что помимо всего прочего, мы выбили из-под современной правовой метафизики постулат о "социально-экономическом базисе" оставил так сказать слова без вещей. "Доказывание", как речевая деятельность, повисло в пустоте. Чем заменить "базис"? Я атеист, а то сослался бы на бога. Но отчего-то надо же было исходить. Вот и взял текст. "Нет реальности, кроме текста". Как видите, этот постулат принимается без доказательств, как исходная посылка. Я не знаю и не хочу знать, почему это так. Просто, вначале был текст, а потом все остальное - субъект доказывания и доказывание, как интерпретация текста и т.п. Это не значит, что я вообще отрицаю всякую иную кроме языковой, дискурсивной реальности. Очевидно, она есть. Даже, скорее всего, есть. Но какова она можно только строить предположения. Чтобы укрепиться в суде со своей аргументацией мне достаточно слов. Главное, чтобы им поверила аудитория, имеющая право принимать решение по делу.